

Н. В. Патроева
Петрозаводский государственный университет
(Россия, Петрозаводск)
nvpatr@list.ru

СУДЬБА НЕДОНОСКА: ИСТОРИЯ «НЕПОЭТИЧЕСКОГО» СЛОВА В РУССКОЙ ЛИРИКЕ*

В статье воссоздается история бытования «прозаизма» *недоносок* в русской поэзии XIX–XX вв. В словарях XVIII века отражается прямое значение слова *недоносок*. Переносное (оценочное) значение появляется в художественных, публицистических и эпистолярных источниках не ранее 1820–х гг. По данным «Национального корпуса русского языка», на протяжении трех веков в русской поэзии фиксируется только 21 вхождение слова *недоносок*. Лексема «недоносок» анализируется на материале лирических произведений первой половины XIX столетия с точки зрения образной семантики, богатого ассоциативного потенциала и интертекстуального «ореола». П. А. Вяземский «отрывком» «Байрон» 1824–1827 гг. положил начало поэтической традиции, которая в 1835 г. нашла свое яркое воплощение в стихотворении «Недоносок». Слово *недоносок* встречается и в не публиковавшейся до начала XX в. песне А. С. Пушкина «Уродился я, бедный недоносок...». Лирики следующих поколений (Мережковский, Манделштам, Заболоцкий и др.) уже самим фактом художественного использования «маргинальной» для лирики лексемы оказались заочно близки «поэту мысли» и друг другу. Символ из «Недоноска» Баратынского, однако, остался на недостижимой высоте по степени ассоциативно-смысловой нагруженности «непоэтического» слова и силе воздействия на всю последующую поэтическую традицию.

Ключевые слова: лексема *недоносок*, русская поэтическая традиция, «прозаизм», поэтическая лексика, аллюзия, реминисценция.

Согласно «Словарю русского языка XVIII века», в памятниках этой эпохи отражается прямое значение слова *недоносок* — «ребенок или животное, рожденные преждевременно» [Словарь русского языка 2004: 169]. Первая лексикографическая фиксация слова *недоносок* встречается в «Лексиконе трехязычном, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище. Из различных древних и новых книг собранное и по славенскому алфавиту в чин разположенное» Ф. П. Поликарпова-Орлова,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект «Синтаксический словарь русской поэзии XIX века», № 17–04–00168).

который отражает языковое состояние рубежа XVII–XVIII веков и ориентируется преимущественно, но все же не исключительно на книжную и церковно-славянскую лексику. Опубликованный более века спустя [Словарь Академии Российской 1814] неизвестную старославянскому языку лексему *недоносок* не фиксирует. «Дитя, рожденное прежде времени» — такое толкование лексемы, подаваемой в качестве однозначной, находим в [Словарь церковно-славянского... 1847: 432]. В.И. Даль также представляет лишь это прямое значение [Даль 1978: ст. 1335].

По данным «Национального корпуса русского языка», на протяжении трех веков в русской поэзии фиксируется только 21 вхождение слова *недоносок* (для сравнения: в прозе 197 словоупотреблений, то есть почти в 100 раз чаще!).

Как нам удалось выяснить, пользуясь НКРЯ, первым, кто отважился использовать стилистически сниженное, не освященное книжной церковно-славянской традицией употребление, и отнюдь не поэтическое слово *недоносок* в стихотворном жанре, на русской почве был П.А. Вяземский² — в «отрывке» «Байрон» (1824/27 гг.) в составе генитивной метафоры, выражающей идею не созревшего еще в душе художника творения:

Так вспыхнуть из тебя оно было готово —
На языке земном несбыточное слово,
То слово, где б слились, как в верный отголосок,
И жизни зрелый плод, и жизни **недоносок..!**
[Вяземский 1982: 178]

Таким образом, уже первое употребление слова *недоносок* в поэтическом контексте сразу демонстрирует семантическое расширение, приращение переносного смысла. Возможно, что образ был почерпнут Вяземским из письма князю его литературного наставника И.И. Дмитриева, который уже в начале 1820-х годов так отозвался о только что появившейся пушкинской поэме: «Что скажете о нашем “Руслане”, о котором так много кричали? Мне кажется, это **недоносок** пригожего отца и прекрасной матери (музы)...» [Письма И.И. Дмитриева 1898: 25].

Стихотворение Е.А. Баратынского «Недоносок» — первый лирический опыт, где это «непоэтическое» слово становится заглавным, — написано и напечатано в 1835 году, а позже включено в известный философско-поэтический цикл «Сумерки» (1842 г.)³. Далекое от традиционной поэтической фразеологии «школы

² Словарь языка П.А. Вяземского подтверждает однократное использование поэтом лексемы *недоносок* [Васильев 2015: 129].

³ Приведем полностью текст стихотворения:

Я из племени духов,
Но не житель Эмпирея,
И, едва до облаков
Возледев, паду, слабей.
Как мне быть? Я мал и плох;
Знаю: рай за их волнами,
И ношусь, крылатый вздох,
Меж землей и небесами.

Блещет солнце: радость мне!
С животворными лучами
Я играю в вышине
И веселыми крылами
Ластось к ним, как облачко;
Пью счастливо воздух тонкой:
Мне свободно, мне легко,
И пою я птицей звонкой.

гармонической точности», а потому сразу останавливающее на себе внимание читателя слово *недоносок* в тексте Баратынского используется в качестве заглавной номинации и повторяется затем в заключительной строфе, так что обе позиции оказываются подчеркнутыми, акцентированными по смыслу. Поскольку сразу после заглавия местоимение «Я» отсылает читателя к странному существу «из племени духов» (таким образом, лирическому «я» в стихотворении Баратынского соответствует необычный внутренний субъект), и название стихотворения поначалу ассоциируется в сознании потенциального внешнего адресата прежде всего с именем некоего «духа». Только в концовке стихотворения, начинающейся как-то неожиданно, с середины стиха после многоточия: «...На земле...», — заглавная номинация повторяется, при этом вдруг изменяет свою референтную отнесенность: «недоносок» оказывается теперь «отбывшим без бытия» земным созданием.

По поводу этого «странноватого» стихотворения Баратынского в русской критике высказывался целый ряд предположений, нередко противоречивых. Так, Б. В. Томашевский полагал, что тема стихотворения была подсказана Баратынскому сонетом французского поэта Жана д'Эно (Jean Dehesnault, умерший в 1682 г.) «La mere sur avorton» («Речь матери к своему недоноску») [Баратынский 1989: 368], очень популярным в XVII–XVIII веках и впервые опубликованным в 1658 г. в альманахе «Nouveau Cabinet des Muses»⁴.

Но ненастье заревет
И до облак, свод небесный
Омрачивших, вознесет
Прах земной и лист древесный:
Бедный дух! ничтожный дух!
Дуновенье роковое
Вьет, крутит меня, как пух,
Мчит под небо громовое.

Бури грохот, бури свист!
Вихорь хладный! Вихорь гжучий!
Бьет меня древесный лист,
Удушает прах летучий!
Обращусь ли к небесам,
Оглянусь ли на землю —
Грозно, черно тут и там;
Вопль унылый я подъямлю.

Смутно слышу я порой
Клич враждующих народов,
Поселян беспечный вой
Под грозой их переходов,

Гром войны и крик страстей,
Плач недужного младенца...
Слезы льются из очей:
Жаль земного поселенца!

Изнывающий тоской,
Я мечусь в полях небесных,
Надо мной и подо мной
Беспредельных — скорби тесных!
В тучу кроюсь я, и в ней
Мчуся, чужд земного края,
Страшный глас людских скорбей
Гласом бури заглушая.

Мир я вижу, как во мгле;
Арф небесных отголосок
Слабо слышу... На земле
Оживил я недоносок.
Отбыл он без бытия:
Роковая скоротечность!
В тягость роскошь мне твоя,
О бессмысленная вечность!

[Баратынский 1989: 181–182].

⁴ Текст сонета и его перевод воспроизводится по приведенному в работе В. Ляпунова [Ляпунов 1973: 277] французскому источнику:

Toy qui meurs avant que de naistre,
Assemblage confus de l'estre et du néant,

Как отмечают издатели и комментаторы Е. А. Баратынского, «сонет Эно вошёл в историю литературы как классический образец французского сонета. <...> трудно предположить, чтобы Баратынскому, прекрасно знавшему французских поэтов XVII–XVIII вв., он был неизвестен. Однако вероятная зависимость Баратынского от Эно ограничивается только заимствованием самой темы «недоноска». Философская же трактовка этой темы у Баратынского не имеет ничего общего с сонетом Эно, построенным на чисто внешнем, словесном обыгрывании мотива “недоноска”» [Купреянова 1936: 270].

Современный исследователь А. Ю. Панфилов находит свидетельства знакомства Баратынского с сонетом Эно: «Силлабическое стихотворение Эно примечательно тем, что содержит строку четырехстопного хорея (которым написано стихотворение “Недоноска”) — и размер этот остается при дословном ее переводе. Это явление, конечно, было замечено Баратынским. Одна строка его стихотворения:

Роковая скоротечность,

– созвучна русскому варианту строки сонета Эно:

Роковая жертва Чести.

Слово “честь” анаграммируется Баратынским в слове “скоротечность”, причем поэт выбирает для анаграммирования именно то слово, которое и в самом источнике служит предметом словесной игры: у Эно это слова “Honneur” и “horreur”; в частности, в строке “N’entretiens point l’horreur don’t ma faute est suivie” обыгрывается выражение “point l’honneur”, “вопрос чести”» [Панфилов 2012]⁵.

Triste avorton, informe enfant,
Rebut du néant et de l’estre
Toi que l’Amour fit par un crime,
Et que l’Honneur défait par un crime à son tour,
Funeste ouvrage de l’Amour,
De l’Honneur funeste victim,
Donne fin aux remords par qui tu t’es vengé;
Et du fond du néant où je t’ay replonge?
N’entreti^{ens} point l’horreur don’t ma faute est suivie.
Deux Tyrans opposes ont decide ton sort:
L’Amour malgré l’Honneur, t’a fait donner la vie,
L’Honneur, malgré l’Amour, te fait donner la mort.

Перевод: «Ты, который был мертв уже до рождения, / Смешение бытия и небытия, / печальный недоносок, не ставший ребенком, / Пасынок бытия и небытия, // Ты, которому дала начало преступная Любовь, / И которого Честь разрушила столь же преступно, / Роковой плод Любви, / Роковая жертва Чести, // Будет ли конец угрызениям совести, из-за которых ты был лишен жизни, / Будет ли исчерпано небытие, в которое я заставила тебя погрузиться? / Постоянный источник страха, следствием которого стало мое прегрешение. // Спор двух Тиранов решил твою участь: / Любовь, вопреки Чести, даровала тебе жизнь, / Честь, вопреки Любви, приговорила тебя к смерти».

⁵ В качестве еще одного источника жанровых и ритмо-метрических реминисценций стихотворения «Недоноска» Наталия Николаевна Мазур указывает известную стихотворную загадку про «дым» В. И. Майкова «Я ни воздух, ни вода...» (1773 г.) — см.: [Мазур 1999: 150].

И. М. Семенко считала, что в вызревании творческого замысла Баратынского «гораздо более значительную, можно сказать — решающую, роль сыграло другое произведение. Но — в полемическом плане ... Это — ода Державина «Бог»...» [Семенко 1970: 258]. Если «промежуточность», «серединность» положения человека в мироздании лирического героя Г. Р. Державина, как, впрочем, когда-то и Платона, вполне устраивает («почтенна» для него: «Я — царь, я — раб, я — червь, я — Бог»), то для Баратынского она же — источник страдания, неудовлетворенности бытием, космической по масштабу трагедии, разворачивающейся перед взором читателя в метаниях «ничтожного духа», в его шемящей сердце исповеди. Подобную трактовку вдумчивым читателем образа странного существа вполне подтверждает присутствовавшая в первоначальной, журнальной публикации «Недоноска» [Московский наблюдатель 1835: 256] строфа, следовавшая после первой, позже исключенная автором при подготовке «Сумерек»:

Весел я небес красой,
Но слепец я: в разуменье
Мне завистливой судьбой
Не дано их провиденье.
Духи высшие, не я,
Постигают тайны мира,
Мне лишь чувство бытия
Средь пустых полей эфира.

С. Г. Бочаров замечает, что можно понять «земного недоноска как мертворожденного, но, может быть, здесь говорится о роковой скоротечности человеческой жизни вообще. Так или иначе, но несомненно, что название недоноска метафорически переносится с земного человека на самого бессмертного духа и становится символическим сгустком значений этого странного образа» [Бочаров 1976: 281]. По мнению И. М. Тойбина, «в центре стихотворения — метафорический образ Недоноска, существа, олицетворяющего духовное начало...» [Тойбин 1988: 101], человеческое сознание, которое не в силах постичь «последние» тайны мира и даже цель собственного бытия. По словам Евгения Лебедева, *недоносок* — «беспощадное по объективности определение» [Лебедев 1985: 148] — приговор «сумеречного» духа своему единственному мертворожденному творению в мире: «Отбыл он без бытия».

Возможна, кажется, и иная, «конкретно-биографическая», трактовка *недоноска*, сопрягающая появление образа с выходом в 1835 г. второго сборника сочинений Баратынского, всегда придиричиво и скептически относившегося к собственным творениям. Поэтому вполне адекватной художественному заданию «Недоноска» представляется интерпретация «духа» и в качестве образа, символизирующего поэта, пребывающего в постоянных метаниях между милым душе «небом» и грубой «землей», в вечном беспокойстве и неудовлетворенного собой, миром и своим творением, честно отдающего себе отчет в «бесталанливости» (подобно пушкинскому

«недоноску»), ограниченности дарования, и мучительно понимающего бесплодность творческих усилий. С начала 1830–х гг. в посланиях к друзьям Баратынский упоминает некоторые подробности создания произведений в эпическом и драматическом роде: «небольшая драма», «Жизнь Дельвига», «книга о Ломоносове», «эклектический роман», повесть «Перстень» (из всего упомянутого только последняя увидела свет). Эти «недосозданные», «недоношенные» создания Баратынского, несомненно, тоже стали прообразом «Недоноска» из «Сумерек», тем более что в тексте стихотворения представлена форма неодушевленности для одушевленного в системе языка существительного: «Оживил я *недоносок*».

Можно прибавить к приведенному обоснованию «ипостасей» центрального образа также предложенную филологом и поэтом Дмитрием Евгеньевичем Максимовым [Воспоминания... 1984: 123] аллюзийную интерпретацию «недоноска», отсылающую читателя к «гомункулу» из «Фауста» Гете. Оправданной представляется и такая поэтическая образная парадигма: *ангел — серафим — демон — бес — недоносок*.

Помимо Вяземского и Баратынского, «прозаизм» *недоносок*, и тоже только единожды, использовал А. С. Пушкин. К 1828 г. относится не законченный Пушкиным, однако, не публиковавшийся до начала XX ст., а потому современной автору читательской публике неизвестный отрывок «Уродился я, бедный недоносок...» [Пушкин 1957: 95]. Стихотворение Пушкина напоминает искусно стилизованную народную необрядовую песню — жалобу героя на свою несчастливую судьбинушку:

Уродился я, бедный **недоносок**.
С глупых лет брожу я сиротою;
Недорослем меня бедного женили;
Новая семья не полюбила.
Сударыня жена не приласкала [Пушкин 1957: 95].

Отрывок этот своим началом близок другой песне в «народном духе» — «Уродился я несчастлив, бесталанлив...», до сих пор вызывающая немало разногласий в оценке ее как результата пушкинской обработки фольклорного текста (автограф которой утрачен) или как оригинального произведения устного народного творчества, вошедшего в песенное собрание П. В. Киреевского (Историю длинной дискуссии см. подробнее в ст.: [Розов 2008]). Всего пять строк этого текста уже заявляют читателю о ведущей теме несчастливой семейной жизни, отсюда — мотивы тяжелой неволи и безысходной тоски, жалобная, щемящая интонация. В пушкинском контексте представляется вполне возможным усмотреть контаминацию прямого и свойственного живой устной народной речи переносного значения (с бранной разговорно-просторечной коннотацией — «о незрелом, отсталом в каком-либо отношении человеке», так как здесь лексема *недоносок* — самохарактеристики лирического героя). При этом, однако, самоуничижительный смысл смягчается «жалостливым» эпитетом «бедный», который заочно сближает «Недоноска» Баратынского с пушкинским текстом (ср.: «Уродился я, бедный недоносок...» — у Пушкина

и «Бедный дух!» — у Баратынского). Смелость включения лексемы разговорного характера в поэтическую ткань у Пушкина обусловлена жанром «песни в народном духе» и целями фольклорной стилизации. Кроме того, языковая рефлексия Пушкина была устремлена к живым истокам родного слова, которое поэт черпал из устного народного творчества: «Я не люблю видеть в первобытном нашем языке следы европейского жеманства и французской утонченности. Грубость и простота ему более пристали» [А. С. Пушкин об искусстве 1990: 187].

У «поэта мысли» Баратынского, далекого от желания подражать «просто-народным» русским песням, цель использования «прозаизма» *недоносок* была иная, чем у Пушкина: резко выбивающаяся из привычной традиционно-элегической фразеологии по своей коннотации лексема была призвана, наряду с другими в сб. «Сумерки», столкнуть «высокое» с «низким», «горнее» с «дольным», проповеднический пафос с ироническим, напомнив лучшие образцы русского поэтического барокко и классицизма, создать широкий круг «отсылок» к утраченным гениям и их творениям, передать ощущение хаоса и дисгармонии, царящей в «стихиях бытия», отправить пронзительное поэтическое послание грядущим читателям.

Завершая размышления о семантике и образном функционировании редкой в русской поэзии лексемы «недоносок», отметим, что, при всех очевидных отличиях в индивидуальных картинах мира, воплощенных авторами в стихотворных миниатюрах, поэты оказались заочно близки друг другу. Лирики следующих поколений (Мережковский, Мандельштам, Заболоцкий и др.) уже самим фактом художественного использования «маргинальной» для лирики лексемы оказались заочно близки и «поэту мысли». Символ из «Недоноска» Баратынского, однако, остался на недостижимой высоте по степени ассоциативно-смысловой нагруженности «непоэтического» слова и силе воздействия на всю последующую поэтическую традицию, на которую легла тень «Сумерек».

Литература

- А. С. Пушкин об искусстве*: в 2 т. М.: Искусство, 1990. Т. 1. 187 с.
- Баратынский Е. А.* Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М.: Современник, 1987. 183 с.
- Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч. Л.: Сов. писатель, 1989. 464 с.
- Бочаров С. Г.* Поэзия таинственных скорбей // Баратынский Е. А. Стихотворения. М.: Сов. Россия, 1976. С. 268–287.
- Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н.* Словарь поэтического языка П. А. Вяземского (с приложением малоизвестных и неопубликованных его стихотворений). М.: Флинта; Наука, 2015. 424 с.
- Воспоминания о Заболоцком.* М.: Сов. писатель, 1984. 462 с.
- Вяземский П. А.* Соч.: в 2 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 1. 460 с.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1978. Т. 3. 1335 ст.

Купрянова Е., Медведева И. Комментарии к стихотворениям (к тому I) // Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотворений: в 2 т. Л.: Сов. писатель, 1936. Т. 2. С. 270.

Лебедев Е. Тризна: Книга о Е. А. Баратынском. М.: Современник, 1985. 301 с. «Московский наблюдатель». 1835. Ч. 1. Кн. 1. 526 с.

Мазур Н. Н. «Недоносок» Баратынского // Поэтика. История литературы. Лингвистика: Сборник к 70-летию В. В. Иванова. М., 1999. С. 140–155).

Письма И. И. Дмитриева к кн. П. А. Вяземскому 1810–1836 годов: Из Остафьевского архива. Изданы с предисловием и примечаниями Николая Барсукова. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1898. 147 с.

Панфилов А. Ю. Из литературной предыстории стихотворения Е. А. Баратынского «Недоносок» [Электронный ресурс] URL: http://samlib.ru/p/panfilow_a_j/01cook.shtml

Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 3. 558 с.

Розов А. Н. «Уродился я несчастлив, бесталанлив...»: об одной из «народных» песен Пушкина // Пушкин и мировая культура: Материалы VIII Международной конференции (Арзамас, Большое Болдино, 27 мая — 1 июня 2007 г.). Арзамас: АГПИ, 2008. С. 309–314.

Семенко И. М. Поэты пушкинской поры. М.: Худож. лит., 1970. 260 с.

Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный (изданный в Санкт-Петербурге, При Императорской Академии наук, Часть III. К–Н. СПб., 1814. 722 с.

Словарь русского языка XVIII века. М.: Наука, 2004. Вып. 14. 169 с.

Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук. СПб: Типография Имп. АН, 1847. 472 с.

Тойбин И. М. Тревожное слово: (О поэзии Е. А. Баратынского). Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1988. 486 с.

Liapunov V. A. Goethean subtext of E. A. Baratinskij's "Nedonosok" // Slavic Poetics. Essays in Honor of Kiril Taranovsky. Hague-Paris, 1973, pp. 277–281.

N. V. Patroeva

Petrozavodsk State University

(Russia, Petrozavodsk)

nvpatr@list.ru

FATE OF NEDONOSOK (PREMATURELY BORN CHILD): STORY OF «NON-POETIC» WORD IN RUSSIAN LYRICS

The article reconstructs the story of the existence of “prosaism” of *nedonosok* ‘prematurely born child’ in the Russian poetry of the 19th–20th centuries. The dictionaries of the 18th century show the direct meaning of the word “*prematurely born child*”. According to the Russian National Corpus, only 21 occurrences of the word *nedonosok* ‘prematurely

born child' are recorded in the Russian poetry over three centuries. The *nedonosok* lexeme is analyzed on the basis of the lyric works of the first half of the 19th century in terms of figurative semantics, rich associative potential and intertextual «halo». P. A. Vyazemsky started a poetic tradition by the «fragment» «Byron» in 1824–27, that tradition was vividly shown in the poem «Nedonosok» in 1835. The word *nedonosok* is also used in the song of A. S. Pushkin «Urodilsya ya, bednyi nedonosok...» which wasn't published before the beginning of the 20th century. Although the poets of the next generation (Merezhkovsky, Mandelshtam, Zabolotsky, etc.) didn't know each other, they turned out to be more or less close to each other and the center of the figurative paradigm, which is the most famous symbol from Baratynsky's «Nedonosok» 'prematurely born child', by the very fact of the figurative use of the lexeme («marginal» for this lyrics) to increase the semantic volume and expand the associative load of the «non-poetic» word. Baratynsky's image of the «nedonosok» is so polyphonic, semantically ambiguous and loaded that the shadow of the «Twilight» cycle lays on all of the poetic experiments written by the «poet of thought» Baratynsky, making play of the motif of a prematurely born child if not for the creators then for the readers.

Key words: lexeme *nedonosok* 'prematurely born child', Russian poetic tradition, «prosaism», poetic vocabulary, allusion, reminiscence.

References

A. S. Pushkin ob iskusstve [A. S. Pushkin about art]: in 2 volumes. Moscow, Iskusstvo Publ., 1990, vol. 1. 187 p.

Baratynskii E. A. *Stikhotvoreniya. Pis'ma. Vospominaniya sovremennikov* [Poems. Letters. Memories of contemporaries.]. Moscow, Sovremennik Publ., 1987. 183 p.

Baratynskii E. A. *Poln. sobr. soch.* [Full collection of works.]. Leningrad, Sovetskii Pisatel' Publ., 1989. 464 p.

Bocharov S. G. [Poetry of mysterious sorrows]. Baratynskii E. A. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow, Sovetskaya Rossia Publ., 1976, pp. 268–287. (In Russ.).

Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living great Russian language.]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1978, vol. 3. 1335 p.

Kupreyanova E., Medvedeva [Comments on poems (to volume I)]. Baratynskii E. A. *Poln. sobr. stikhotvoreniy* [Full collection of poems]: in 2 vols. Leningrad, Sovetskyii Pisatel' Publ., 1936, vol. 2, p. 270. (In Russ.).

Lebedev E. *Trizna: Kniga o E. A. Baratynskom* [Trizna: A book about E. A. Baratynsky]. Moscow, Sovremennik Publ., 1985. 301 p.

Lyapunov V. A. Goethean subtext of E. A. Baratinskij's «Nedonosok». *Slavic Poetics. Essays in Honor of Kiril Taranovsky*. Hague-Paris, 1973, pp. 277–281.

«*Moskovskii nablyudatel'*» [The Moscow Observer]. 1835, part 1, book 1. 526 p.

Mazur N. N. [Baratynsky's «Nedonosok»]. *Poetika. Istoriya literatury. Lingvistika: Sbornik k 70-letiyu V. V. Ivanova* [Poetics. History of literature. Linguistics. Collection of articles on the 70th anniversary of V. V. Ivanov]. Moscow, 1999, pp. 140–155. (In Russ.).

Pis'ma I. I. Dmitrieva k kn. P. A. Vyazemskomu 1810–1836 godov: Iz Ostaf'evskogo arkhiva. Izdany s predisloviem i primechaniyami Nikolaya Barsukova [Letters of I. I. Dmitriev to P. A. Vyazemsky of 1810–1836: From the Ostaf'evsky archive. Published with a preface and notes by Nikolai Barsukov]. St. Petersburg, M. Stasyulevich Printing House, 1898. 147 p.

Panfilov A. Yu. *Iz literaturnoi predystorii stikhotvoreniya E. A. Baratynskogo «Nedonosok»* [From the literary prehistory of the poem «Nedonosok» by E. A. Baratynsky]. [Electronic resource]. Available at: http://samlib.ru/p/panfilov_a_j/01cook.shtml

Pushkin A. S. *Sobranie sochinenii* [Collection of works]: in 10 vols. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1957, vol. 3. 558 p.

Rozov A. N. [«I was born unhappy, untalented ...»: about one of Pushkin's «folk» songs]. *Pushkin i mirovaya kul'tura: Materialy VIII Mezhdunarodnoi konferentsii (Arzamas, Bol'shoe Boldino, 27 maya — 1 iyunya 2007 g.)* [Pushkin and world culture: Proceedings of the VIII International conference (Arzamas, Bol'shoe Boldino, May 27 — June 1, 2007)]. Arzamas: AGPI Publ., 2008, pp. 309–314. (In Russ.).

Semenko I. M. *Poety pushkinskoi pory.* [Poets of Pushkin's time]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1970. 260 p.

Slovar' Akademii Rossiiskoi, po azbuchnomu poryadku raspolozhennyi (izdannyi v Sankt-Peterburge, Pri Imperatorskoi Akademii nauk, Chast' III. K–N [Dictionary of the Russian Academy in the alphabetical order (published in St. Petersburg, under the Imperial Academy of Sciences, Part III. K–N)] St. Petersburg, 1814. 722 p.

Slovar' russkogo yazyka XVIII veka [Dictionary of the Russian language of the XVIII century]. Moscow, Nauka, 2004, vol. 14. 169 p.

Slovar' tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka, sostavlennyyi Vtorym otdeleniem Imperatorskoi Akademii Nauk [Dictionary of Church Slavonic and Russian Language compiled by the Second Division of the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Printing House, 1847. 472 p.

Toibin I. M. *Trevozhnoe slovo: (O poezii E. A. Baratynskogo)* [Alarming word: (On the poetry of E. A. Baratynsky)]. Voronezh: Voronezh Univ. Publishing House, 1988. 486 p.

Vasil'ev N. L., Zhatkin D. N. *Slovar' poeticheskogo yazyka P. A. Vyazemskogo (s prilozheniem maloizvestnykh i nepublikovavshikhsya ego stikhotvoreniy)* [Dictionary of Vyazemsky's poetic language (together with his little-known and unpublished poems)]. Moscow, Flinta; Nauka Publ., 2015. 424 p.

Vospominaniya o Zabolotskom [Memories of Zabolotsky]. Moscow, Sovetskii Pisatel', 1984. 462 p.

Vyazemskii P. A. *Sochineniya* [Works]: in 2 vols. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1982, vol. 1. 460 p.